

Пример вступительного испытания.

В. Г. Белинский. Россия до Петра Великого (фрагменты).

“В предыдущей статье мы говорили о различии Европы от Азии; теперь мы хотим показать отношение России до Петра Великого к Европе и Азии. По географическому положению своему Россия занимает середину между этими двумя частями света. Многие заключают из этого, что она и в нравственном отношении занимает эту середину. Подобная мысль нам кажется вдвойне несправедливою: географическая середина не всегда бывает нравственною серединою, а нравственная середина не всегда бывает выгодна. Как угодно, но трудно вообразить себе середину между светом и тьмою, между просвещением и невежеством, между человечностью и варварством; но еще труднее найти такую середину выгодною и прийти от нее в восторг. Серый цвет может быть хорош на произведениях природы, искусства и ремесл; но в духе человеческом серый цвет -- цвет отвержения, нравственного унижения. "Кто не за меня, тот против меня" -- середины нет. Вследствие татарского ига, кроме религии, в России не было ничего общего с Европою; но она много отличалась от Азии. Находясь под туманным небом, в суровом климате, она не представляла собою той роскоши, той поэзии чувственной, ленивой и сладострастной жизни, которая в Азии так обаятельно соблазнительна и для европейца. Страсти в ней были тяжелы, но не остры, отуманивали, а не раздражали, больше спали и редко просыпались. Разнообразие страстей в ней было неизвестно, потому что основы общества были однообразны, интересы ограничены. Для азиатца существует наслаждение; он по-своему обожает красоту, по-своему любит роскошь и удобства жизни. Ничего этого не бывало у русских до времен Петра Великого. Красоту у них составляло дородство, "ражесть" тела, молочная белизна и кровяной багрянец лица -- кровь с молоком, как говаривали наши старики и как теперь говорят наши простолюдины. В самом деле, посмотря на то, что брадатые торговцы нашего времени называют красотою, посмотря на разбеленные и разрумяненные ланиты и черные зубы их очаровательниц, не получишь слишком высокого понятия об эстетическом вкусе наших праотцев. И какая разница между азиатским сатрапом или нашею, который, грабя вверенный его грабительству пашалык, лениво и роскошно упивается всеми обаяниями чувственности в своем гареме -- этом земном раю, обещанном ему на небе Мухаммедом, в кругу соблазнительных одалык -- этих земных гурий и пери, под немолчный говор фонтанов, в сладостном дыму аравийских курений, -- какая разница между ним и древним русским боярином, который тоже был послан на кормление, то есть на грабление какой-нибудь провинции, который много и безвкусно ел за обедом, еще больше пил, а после обеда спал богатырским сном; по субботам наслаждался банею, паримый вениками в адском жару, в случае нездоровья выпивал на полке пенничку с перечком, а после бросался в сугроб снегу; для которого, после еды, питья и бани, величайшее наслаждение было -- охота с соколами, ломка с медведями или разделка с холопами!.. На Востоке есть понятие о вдохновении и творчестве: там высоко ценится искусство

"нанизывать жемчуг на нить описаний" и "рассыпать жемчуг по бархату", то есть писать стихами и прозой. На святой Руси в древности и не слыхивали о таком странном занятии, а если бы и услышали, то назвали бы его "пересыпаньем из пустого в порожнее". Какое прозаическое понятие о поэзии! Другое важное отличие русского мира от азиатского -- отсутствие мистицизма и религиозной созерцательности. Наше славянское язычество было так слабо и ничтожно, что не оставило по себе никакой памяти. Великий князь Владимир одним словом мог уничтожить его, и народ без всякого фанатического сопротивления крестился. Правда, несколько голосов закричали было: "Выдыбай, боже!", но это не по языческому религиозному чувству, а по уважению к серебряной бороде и золотым усам Перуна. Вообще, Россия была Азией, только в другом характере, чему причиною было и христианство, формально объявленное Владимиром государственною религиею. Посему наши князья хотя и кололи друг другу глаза, но это было больше следствием влияния византийских обычаев, чем азиатизмом. Русский мужичок и теперь еще полуазиатец, только на свой манер: он любит наслаждение, но полагает его исключительно в "пенном", в еде и лежании на печи. Когда урожай хорош и хлеба у него вдоволь, -- он счастлив и спокоен: мысль о прошедшем и будущем не тревожит его, ибо люди в своем естественном состоянии, кроме утоления голода и других подобных нужд, ни о чем не умеют мыслить. Приходит купец нанимать его под извоз на ярмарку -- куда! -- наш мужичок ломит с него цену непомерную, даже говорит с ним неохотно, и гордо остается на своих полотах. Голод -- он едет за безделицу, чтоб только не есть дома и не кормить лошадь домашнею соломой. Вопрос о своем состоянии и средствах улучшить и обеспечить его на будущее время, пользуясь благоприятными обстоятельствами, урожаем и пр., никогда не заходил в его остриженную в кружало и плотно выстриженную на макушке голову. Он пашет, как пахали отцы и деды, не прибавит ни колушка к сохе {А малороссиянин так еще далее простирает свое уважение к преданиям старины: он ни за что не хочет поганить навозом землю, на которой родится дар божий, то есть хлеб. Вот Азия-то!}. Изба его похожа на хлев, и зимою он радушно разделяет ее с телятами, ягнятами, поросятами и курами. И это не всегда от недостатка в средствах (немец с теми средствами, которые имеет свободный русский мужичок, жил бы барином), а от естественного пребывания на лоне матери-природы и от глубокомысленной причины: "Так жили отцы и деды наши, а они были не глупее нас -- не хуже нашего умели есть-то". Чудак от всей души верит, что уметь есть хлеб великая мудрость!.. О правосудии у него свои, совершенно азиатские понятия: "Он на то и алистратор, чтоб взятки брать", говорит наш мужичок о подьячем, и охотно развязывает мощну -- лишь бы только дело-то ему сделали. Штрафов платить он не любит и боится их пуще смерти; а за скулы, зубы и хребтовую кожу не стоит -- они ведь заживут, а денег -- не воротишь. "Ученье свет, а неученье тьма", -- говорит ваш мужичок, но грамоту охотно предоставляет знать за себя дьячку или подьячему. Да и от одних ли мужичков услышите вы заветное: "Отцы наши не хуже нас живали, хоть и неученые были"? -- Это говорит и старый подьячий нашего времени, негодующий на то, что книги о запрещениях на имения лишили его возможности добывать хлебец

справочками и что "Свод законов" дает возможность знать законы всякому грамотному человеку, даже и не имеющему никакого чина; это же говорит и старый помещик, которого новое время застало врасплох в отъезде поле, с арапником в руках, и которому страх не хочется ни пахать землю по новым теориям, ни везти детей в столицу для образования...

Защитники патриархальных нравов против цивилизованных с особенным торжеством ссылаются на непоколебимую верность и беспрекословное повиновение народа высшей власти во времена старой России. Но исторические факты слишком резко противоречат этому убеждению и слишком ясно доказывают старинную истину, что "крайности сходятся". Мятежи и крамолы стрельцкие еще в малолетстве Петра Великого, беспрестанные покушения на жизнь его даже во время его единодержавия, доказывают, как мало прочны естественные отношения народа к высшей власти, что гораздо прочнее их отношения, проникнутые разумною сознательностью своих обязанностей и прав. Во время народного мятежа по случаю упадка курса денег, вследствие медной монеты, многие держали царя Алексея Михайловича за пуговицы, и "один человек из тех людей с царем бил по рукам": это больше, чем санкюлотская дерзость, -- это грязная и отвратительная животность в понятиях и чувствах.

Защитники нашей патриархальной старины обыкновенно говорят, что и в Европе, во времена варварства, было не лучше, чем у нас. Но во времена ее варварства, а у нас в XVIII веке (до царствования Екатерины Великой) было то, что в Европе было в IV и V веках -- были пытки, изуверство, суеверие, но не было кнута, подаренного нам татарами. Но, что всего важнее, -- в Европе было развитие жизни, движение идеи; подле яду там росло и противоядие -- за ложным или недостаточным определением общества тотчас же следовало и отрицание этого определения другим, более соответствующим требованию времени определением. И потому-то невольно миришься со всеми ужасами, бывшими в Европе тех времен, миришься с ними за их благородный источник, за их благие результаты. Но Россия была скована цепями неподвижности, дух ее был сперт под толстою ледяною корою и не находил себе исхода.

Некоторые думают, что Россия могла бы сблизиться с Европою без насильственной реформы, без отторжения, хотя бы и временного, от своей народности, но собственным развитием, собственным гением. Это мнение имеет всю внешность истины, и потому блестяще и обольстительно; но внутри пусто, как большой, красивый, но гнилой орех: его опровергает самый опыт, факты истории. Никогда Россия не сталкивалась с Европою так близко, так лицом к лицу, как в эпоху междоцарствия. Димитрий Самозванец, с своею обольстительною Мариною Мнишек, с своими поляками, был не чем иным, как нашествием немецких обычаев на русские, но главнейшая причина его гибели, кроме дерзости, была та, что он после обеда не спал на лавке, а осматривал публичные работы, ел телятину и по субботам не ходил в баню. Швед Делагарди был другом юному русскому герою Скопину-Шуйскому; но по смерти его принужден был сделаться врагом русским. Но есть факт, еще более поразительный: это -- Новгород. Прекрасно русское выражение:

"новгородская вольница" и странно мнение многих ученых, которые от чистого сердца, то есть не шутя, видели в Новгороде республику и живой член ганзеатического союза. Правда, новгородцы были друзья "немцам", беспрестанно обращались с ними, но немецкие идеи и не коснулись их. Это была не республика, а "вольница", в ней не было свободы гражданской, а была дерзкая вольность холопей, как-то отделавшихся от своих господ, -- и порабощение Новгорода Иоанном III и Иоанном Грозным было делом, которое оправдывается не только политикою, но и нравственностью. От создания мира не было более бестолковой и карикатурной республики. Она возникла, как возникает дерзость раба, который видит, что его господин болен изнурительной лихорадкой и уже не в силах справиться с ним, как должно; она исчезла, как исчезает дерзость этого раба, когда его господин выздоравливает. Оба Иоанны понимали это: они не завоевывали, но усмиряли Новгород, как свою взбунтовавшуюся отчину. Усмирение это не стоило им никаких особенных усилий: завоевание Казани было в тысячу раз труднее для Грозного. Нет! была стена, отделявшая Россию от Европы: стену эту мог разрушить только какой-нибудь Сампсон, который и явился Руси в лице ее Петра. Наша история шла иначе, чем история Европы, и наше очеловечение должно было совершиться совсем иначе. Нецивилизованные народы образуются безусловным подражанием цивилизованным. Сама Европа доказывает это: Италия называла остальную Европу варварами, и эти варвары безусловно подражали ей во всем -- даже в пороках. Могла ли Россия начинать с начала, когда перед ее глазами был уже конец? Неужели ей нужно было начать, например, военное искусство с той точки, с которой оно началось в Европе во времена феодализма, когда в нее стреляли из пушек и мортир, а нестройные толпы ее могли поражать стройные ряды, вооруженные штыками, повертывавшиеся по команде одного человека? Смешная мысль! Если же Россия должна была учиться военному искусству, в каком было оно состоянии в Европе XVII века, то должна была учиться и математике, и фортификации, и артиллерийскому и инженерному искусству, и навигации, а если так, -- могла ли она приниматься за геометрию не прежде, как арифметика и алгебра уже укоренятся в ней и их изучение окажет полные и равные успехи во всех сословиях народа. Однообразие в одежде для солдат есть не прихоть, а необходимость. Русская одежда не годилась для солдатской униформы, следовательно, необходимо должно было принять европейскую; а как же можно было сделать это с одними солдатами, не победивши отвращения к иностранной одежде в целом народе? И что бы за отдельную нацию в народе представляли собою солдаты, если бы всё прочее ходило с бородами, в балахонах и безобразных сапожищах? Чтобы одеть солдат, нужны были фабрики (а их, благодаря патриархальности диких нравов, не было): неужели же для этого надо было ожидать свободного и естественного развития промышленности? При солдатах нужны офицеры (кажется, так, господа старообрядцы и антиевропейцы?), а офицеры должны быть из высшего сословия против того, из которого набирались солдаты, и на их мундиры нужно было сукно потоньше солдатского: так неужели же это сукно следовало покупать у иностранцев, платя за него

русскими деньгами, или дожидаться, пока (лет в 50) фабрики солдатского сукна придут в совершенство и из них разовьются тонкосуконные фабрики? Что за нелепости! Нет: в России надо было начинать все вдруг, и высшее предпочитать низшему: фабрики солдатского сукна фабрикам мужицко-сермяжного сукна, академию -- уездным училищам, корабли -- баркам. Мало основать уездное училище -- надо было дать им учителей, которых всего лучше могла образовывать академия; надо было составить учебные руководства, что опять могла сделать только академия. Что ни говорите о бедности нашей литературы и ничтожности нашей книжной торговли, -- однако иные книги у нас раскупаются же, и иные книгопродавцы одними периодическими изданиями имели же в ежегодном обороте по 250 000 рублей. А отчего это произошло? -- Оттого, что наша великая императрица, наша матушка Екатерина II, заботилась о создании литературы и публики, заставила читать двор, от которого мало-помалу охота к чтению перешла, через высшее дворянство, к среднему, от него к чиновническому люду, а теперь уже начинает переходить и к купечеству.

Да, у нас все должно было начинать сверху вниз, а не снизу вверх, ибо в то время, как мы почувствовали необходимость сдвинуться с места, на котором дремали столько веков, мы уже увидели себя на высоте, которую другие взяли приступом. Разумеется, на этой высоте увидел себя не народ (в таком случае ему не для чего было бы и подыматься), а правительство, и то в лице только одного человека -- царя своего. Петру некогда было медлить: ибо дело шло уже и не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился вовремя: опоздай он четвертью века, и тогда -- спасай, или спасайся кто может!.. Провидение знает, когда послать на землю человека. вспомните, в каком тогда состоянии были европейские государства, в отношении к общественной, промышленной, административной и военной силе, и в каком состоянии была тогда Россия во всех этих отношениях! Мы так избалованы нашим могуществом, так оглушены громом наших побед, так привыкли видеть стройные громады наших войск, что забываем, что всему этому только 132 года (считая от победы под Лесным -- первой великой победы, одержанной русскими регулярными войсками над шведами). Мы как будто всё думаем, что это было у нас искони веков, а не с Петра Великого. Мы уже забыли и то, что при Петре Великом у России явился опасный сосед -- Карл XII, которому нужны были и люди и деньги и который умел бы распорядиться и тем и другим, следуя русской пословице: "Даровому коню в зубы не смотрят". Любовь к отечеству, могущество народного духа и богатство в материальных средствах -- действительно сильные орудия. Но воскресите вы героев Термопил, Марафона, Платеи, воинов Лакедемона, фаланги македонян, когорты Рима, составьте из всех их одно войско, сделайте Мильтиада, Фемистокла, Кимона, Аристида, Перикла, Фабия, Камилла, Сципиона, Мария начальниками отрядов, а в главнокомандующие дайте им Александра Македонского и Юлия Цезаря: это ужасное войско исполинов не устоит против пяти полков нашего времени под командою не Наполеона, а хоть кого-нибудь из его генералов. Сила соломой ломит, говорит пословица, а ум, вооруженный наукою, искусством и вековым развитием жизни, ломит и силу, прибавим

мы от себя. Нет, без Петра Великого для России не было никакой возможности естественного сближения с Европою, ибо в ней не было живого зерна развития, и без Петра долго бы ей быть оригиналом картин, нарисованных Кошихиным и Желябужским. Правда, и без реформы Петра Россия, может быть, сблизилась бы с Европою и приняла бы ее цивилизацию, но точно так же, как Индия с Англиею. Повторяем: Петру некогда было медлить и выжидать. Как прозорливый кормчий, он во время тишины предузнал ужасную бурю, и велел своему экипажу не щадить ни трудов, ни здоровья, ни жизни, чтобы приготовиться к напору волн, порывам ветра, -- и все изготовились, хоть и нехотя, -- и настала буря, но хорошо приготовленный корабль легко выдержал ее неистовую силу, -- и нашлись недалководные, которые стали роптать на кормчего, что он напрасно так беспокоил их. Нельзя ему было сеять -- и спокойно ожидать, когда прозябнет, взойдет и созреет брошенное семя: одной рукою бросая семена, другою хотел он тут же и пожинать плоды их, нарушая обычные законы природы и возможности, -- и природа отступила для него от своих вечных законов, и возможность стала для него волшебством. Новый Навин, он останавливал солнце в пути его, он у моря отторгал его довременные владения, он из болот вывел чудный город. Он понял, что полумеры никуда не годятся и только портят дело; он понял, что коренные перевероты того, что сделано веками, не могут производиться вполовину, что надо делать или больше, чем можно сделать, или ничего не делать, и понял, что на первое станет его сил. Перед битвою под Лесным он позади своих войск поставил казаков и калмыков с строгим приказанием убивать без милосердия всякого, кто побежит вспять, даже и его самого, если он это сделает {Голиков, т. III, стр. 20 старого издания.}. Так точно поступил он и в войне с невежеством: выстроив против него весь народ свой, он отрезал ему всякий путь к отступлению и бегству. Будь полезен государству, учись -- или умирай: вот что было написано кровью на знамени его борьбы с варварством. И потому, все старое безусловно должно было уступить место новому, все -- и платье, и прическа, и борода, и обычаи, и нравы, и дома, и улицы, и служба. Говорят: дело в деле, а не в бороде; но что ж делать, господа, если борода мешала делу -- так вон же ее с корнем, если сама не хочет валиться! Нельзя ничего понимать в частности, но все должно видеть в связи с общим. Образ жизни, одежда и самое непостоянство мод у европейцев в тесной связи с их наукою, образованием, администрацией), военного силою и законами. У нас теперь есть люди, которые, нося бороды, читают книги и сами приобрели себе некоторую образованность; но войдите вы к ним в дом, вникните в их семейные отношения, обращение с людьми своего мира, -- вам станет тяжело и грустно, если вы порядочный человек, и внутреннее и внешнее изящество в формах жизни ставите во что-нибудь. Но теперь борода есть только вывеска уважения к преданиям старины, к обычаям сословия; иной не решается ее сбрить, как и есть в первый раз устриц: ему смешно своего страху, а все не решается. Это еще по крайней мере сносно, и больше смешно, чем вредно. Но во времена Петра бороде придавалось невежеством народа какое-то религиозное значение. Она торчала между книгою и глазами, и не давала читать. На бритву смотрели, как на орудие разврата иноземного, безбожия басурманского. По счастливому

выражению Марлинского, русский человек держался за бороду обеими руками, как будто она приросла у него к сердцу. Знамя совсем не то же, что полк; но, если знамя утрачено в сражении, полк считается несуществующим, -- и потому великая честь отбить у неприятеля знамя. Борода была знаменем невежества, -- и Петр понял, что за нее-то прежде всего и нужно было взяться”.

Вопросы:

- 1.** Предположите, в какой период могла появиться данная статья? Вспомните несколько особенностей общественно-политической жизни этого периода. Какого течения придерживается автор статьи и чьи позиции он в ней критикует? Приведите несколько примеров.
- 2.** Что такое реформа? Как автор статьи относится к реформам? Каким образом, по его мнению, должны проводиться реформы в России? Приведите несколько примеров, иллюстрирующих его позицию. Какие еще формы развития общества вы знаете? В чем их отличие от реформы?
- 3.** Как автор статьи относится к Новгородской республике? Приведите несколько примеров, иллюстрирующих его позицию. Согласны ли вы с такой оценкой новгородской государственности? Объясните свою позицию на основании ваших исторических знаний.
- 4.** Как автор статьи описывает жизнь “русского мужичка”? Какому типу общества соответствует его описание? Вспомните основные признаки этого общества и на их основании объясните свой ответ.
- 5.** Как автор статьи относится к Петру Первому? В чем он видит его заслуги и недостатки? Проиллюстрируйте свой ответ примерами из текста. Сформулируйте ваше личное отношение к позиции: “Петр явился вовремя: опоздай он четвертью века, и тогда – спасай, или спасайся кто может!”.